

Академик РАН, крупный математик, лауреат Ленинской премии, историк и публицист Игорь Ростиславович Шафаревич (1923-2017) ушёл в Вечность на 94-м году жизни, тихо и неприметно.

Как там поётся в "Гренаде", в далёкой от России гренадской волости? "Отряд не заметил пропажу бойца... И "Яблочко"-песню дошел до конца...". И душа почему-то болит об иных народах, и на сердце у парня почему-то "испанская грусть". Так и сегодня у нас, в Московском государстве, в большой деревне

Анатолий Апостолов

Мы!Мыри. Смерть криминального деда Хасана или убийство старшего брата Ким Чен Ина куда важнее трагической гибели "доктора Лизы", Елизаветы Глинки. Катастрофа вертолёта над Терлецким озером и гибель злостного браконьера, любителя охоты с воздуха на горных архаров, новосты для московских "бандитов пера и микрофона" куда важнее кончины какого-то там учёного с мировым именем. В угаре лакейской "трамполании" и наглого самопиара, при ежедневном и многолетнем утверждении собственной непогрешимости и идейной непорочности, кому из московской правящей элиты есть дело до смерти автора скандальной книги "Русофобия", вышедшей в свет за год до гибели советской империи? И как-то тревожно становится на душе. И хочется вслед за идейно неопределившимся интеллигентом Климом Самгиным и автором "Несвоевременных мыслей", повторить: "А был ли мальчик?". А может, и не было вовсе в моей жизни академика Шафаревича? Может он мне приснился с большого бодуна? В таком театре абсурда, в котором мы живём уже четверть века, всякое может присниться...

Не мне судить о Шафаревиче-математике и специалисте по теории алгебраических чисел и алгебраической геометрии. Думаю, что в конце 50-х годов в Советском Союзе математиком-теоретиком просто так Ленинскую премию не вручали. Не буду сравнивать его с другими математиками XX века, ибо занятие это неблагоприятное и никому не нужное. Мир науки с её гениальными носителями никогда не нуждался в рейтингах. Одно скажу, что благодаря таким "тихим героям эпохи", как выдающийся российский математик Игорь Шафаревич, болшевику удалось в короткие сроки совершить индустриализацию страны, поразить весь мир прорывами в космонавтике, атомной энергетике и кибернетике, создать ядерный щит. Болшевики понимали, что без математики не будет ни индустриализации, ни обороны, и соответственно технически вооружённой сильной армии, без которой они сущие пигмеи и ничтожество. Профессия учёного стала одной из самых престижных, и была второй после профессии чекиста.

Такие математики, как Николай Дмитриев, Андрей Колмогоров, Алексей Маркушевич, Игорь Шафаревич, Людвиг Фаддеев, Яков Перельман и другие, стали яркими продолжателями отечественной математической школы XIX века. Они сделали всё возможное, чтобы многие молодые таланты шли именно в математику, ибо она — очень честная наука, в ней никогда не было и нет никакой идеологии, а одна лишь абсолютная истина. Такие великие математики, как Андрей Колмогоров и Игорь Шафаревич создали на базе системы физматшкол Всесоюзную заочную математическую школу, где юные таланты формировались как личность. Блестящими были не только уроки математики, но и истории, литературы, иностранных языков.

Из этой славной когорты математиков-вольнодумцев нужно особо выделить двух бесстрашно искренних и критически мыслящих — Николая Дмитриева и Игоря Шафаревича. Оба умели быть свободными, творческими людьми в мире несвободы. Их вела страсть к познанию и творчеству — чувство посылнее свободы и смерти. Оба подверглись критическому анализу все социальные утопии и идеологии, в том числе и марксистско-ленинское учение. Оба коллекционировали волюнции противостояния и ложь советской пропаганды, экстраполировали на экономику будущего экономическую статистику развития России за последние триста лет. Оба всю жизнь и во всём пытались докопаться до

но, 19 февраля этого года.

Российские СМИ, как и славные конармейцы Михаила Светлова, постарались сделать вид, что не заметили эту знаковую утрату нашей эпохи.

истины, и в любом общественном, историческом явлении искали и умели находить внутреннее противоречие. Оба умели разговаривать с большим начальством на равных, вступать в полемику с Хрущёвым и Брежневым, с Сахаровым и Солженицыным. В письме лидеру своей партии Брежневу коммунист Николай Дмитриев советовал дорогому Леониду Ильичу вместе со всем Политбюро уйти на пенсию, дать дорогу молодым. Не согласен был Николай Александрович и с марксовской формули-

Русские гении

ровкой свободы как осознанной необходимости: "Нелогично как-то! Моя свобода состоит в том, чтобы выбрать из трёх рюмок одну. А если я хочу налить ещё пару рюмок?". Оба великих математика, Дмитриев и Шафаревич, считали Сахарова политически безграмотным и наивным, но в то же время рассматривали его политические выступления как благо для общества: "Кому-то нужно всколыхнуть это гнилое болото. Снулому обществу нужны сигналы о крупном, общесоюзном неблагоприятии". Оба не боялись встречаться с Сахаровым, когда тот был в опале и считался вместе с Солженицыным ищущим капиталистического ада. "У меня к прорабам-обустройщикам России три больших вопроса: чем капитализм хорош? Чем капитализм плох? По каким лекалам будем обустривать Россию? По китайским лекалам или по норвежским?" (*Игорь Шафаревич*). Оба советских вольнодумца были убеждены, что единственный социальный строй, который подводит России — социализм, а не тот "реальный коммунизм" (*А.А. Зиновьев*), построенный на русских костях.

Оба обладали воистину особой природной скромностью. Не гнались за званиями и наградами, которых они, несомненно, заслуживали. Игорь Ростиславович стал действительным членом РАН лишь в 1991 году и вполне был доволен Ленинской премией, а Николай Александрович — Сталинской, полученной им за разработку математической теории неполного ядерного взрыва. Позднее за эту работу американец Роналд Пайерлс получил Нобелевскую премию, а "советский святой бесребренник" Дмитриев обретался в полном забвении, строго охраняемом, засекреченном Сарове. Сегодня никто не поверит, но этот великий советский "святой Николай", несмотря на свои гениальные работы так и не защитил докторскую диссертацию и в Сарове его называли подпольным академиком. Дмитриев был скромнен и требователен к себе. Он сам оценивал свои работы по математике (мирового уровня!) очень критически. Они казались ему недостаточно совершенными и требовали доработки. В математике его привлекала почти физическая осязаемость и несокрушимость формул, внутренняя энергетика Главного Математика — Бога, а в физике он подводил под любой процесс язычный математический фундамент. Математика Дмитриева была такой же красивой и изящной, как и математика Шафаревича. Андрей Колмогоров как-то сказал Юлию Харитону: "Зачем вам эта громоздкая ЭВМ "Стрела"? У вас же есть Коля Дмитриев!".

По словам Шафаревича, у Дмитриева была странность, присущая репутантам нестяжателям — он отказывался от званий и наград, требовал вычеркнуть свою фамилию из премиальных списков. Он любил активный отдых, совершал множество байдарочных походов по рекам Русского Севера и Среднего и Южного Урала. Худой, тщедушный, но выносливый, с неизменным рюкзаком за спиной он так и запомнился своим современникам. Физик-лирик, генератор идей и живой компьютер, мечтатель-утопист и самый совершенный человек. Таким он предстаёт перед нами в воспоминаниях его гениальных друзей и сотрудников. Он умер в 2000 году, и о его смерти нигде не сообщалось, о его уходе в Вечность знал тогда только узкий круг учёных-ядерщиков.

Точно так же получилось и со смертью академика Игоря Шафаревича сегодня. Увы, академик Игорь Шафаревич и подпольный академик Николай Дмитриев не первые, чьи судьбы так драматично и немумолимо слились с трагическими судьбами Родины...

(Полная версия — на сайте)

К 80-летию со дня рождения Валентина Распутина

Сборники воспоминаний о Валентине Распутине пока нет. Однако короткие свидетельства разных людей, сведённые вместе, дают представление о личности Распутина. Напомню некоторые строки из публикаций.

Поэт и прозаик Александр Щербаков, с которым Валентин Григорьевич общался, живя в молодые годы в Красноярске, писал: "В 1974 году в Иркутске проходил семинар молодых писателей. Среди красноярских "семинаристов" были мы с Анатолием Третьяковым, уже не слишком молодые пииты. А Валентин Григорьевич, почти наш ровесник, которого мы по привычке называли Валей, вместе с Евгением Носовым и Виктором Астафьевым руководил семинаром прозы. Но, лишённый всякого зазнайства и высокомерия, он в перерывах не раз подходил к нам, беседовал, а однажды пригласил к себе пообедать. И вот там, в его квартире с окнами на Ангара, мы под великолепные щи, поданные его дочкой женой Светланой, и под рюмку, предложенную Валей (сам он отказался "принять", сославшись на бремя семинара), обстоятельно поговорили о жизни и литературе, в том числе красноярской. А на прощанье, естественно, оставили хозяину образцы своих шедевров. Не знаю, чем одарил Анатолю, а я передал краткую повесть "Поют полозья по Руси". Валентин откликнулся на неё письмом, сдержанно похвалил, но посоветовал поискать "второй план". Я прислушался, и повесть эта потом появлялась в московских журналах и моих книжках".

Александр Щербаков рассказал и о теплоте отношений Распутина с ровесниками — сотрудниками красноярской молодежной газеты, где работал Валентин. Впрочем, и сам Распутин пронёс через годы дружеское чувство к своим коллегам из Красноярска. Это видно из его послания Владимиру Зыкову:

"Прочитал я твоё письмо и захотелось в Красноярск, захотелось собраться старыми "комсомолецями", посидеть за рюмкой или даже без рюмки и говорить, говорить... Воспоминать чудачества, жалеть, что были мы осторожными и скупыми в отношениях друг с другом — а время-то ведь было такое золотое. Оно, очевидно, не так сложно и в Красноярск, поспать, да всё как-то недосуг. Сейчас вот пишу тебе из своей родной деревни, а это от Иркутска 400 км. Всё-таки в этом году (разбередил ты меня) я собираюсь показаться дня на два, на три в Красноярск".

Владимир Крупин на вопрос: "За что же любил ровесники Валентина Распутина?", ответил в одной из публикаций: "У него была раинмая возвышенная душа. Каждое соприкосновение с суровыми буднями ранило его. Но несмотря ни на что, он всех

любил, в особенности детей, и его все любил... В его характере преобладали грустные нотки. Он любил юмор, но всё же был чаще печальным. Всю жизнь Валентин Распутин прожил в тяжелейших условиях, но вышел из всех испытаний, сохранив душу. В семидесятые-восьмидесятые годы мы жили бедно. Бывало, он выручал меня деньгами, но когда я ему пытался вернуть долг, он отказывался... Когда собралась писательская компания, то он всегда

за всех платил, но не оттого, что был богат, а его великодушное сердце желало избавить друзей от необходимости тратить".

Иркутский фотохудожник Борис Дмитриев, сделавший десятки запоминающихся снимков Распутина — от его молодых до преклонных лет, говорил о дружеском общении с писателем: "Валя был человеком в себе. Он больше заглядывал в свою душу. Бывало, придю к нему, сидим, десять минут молчим. Потом искам какая-то пробегит, он начинает разговор. Идём пить чай. Любил хорошую шутку, обладал прекрасным чувством юмора".

Владимир Бондаренко, литературный критик, главный редактор газеты "День литературы", часто встречался с Распутиным, но написал об этом коротко:

"Я познакомился с Валентином Григорьевичем в восьмидесятые годы, бывал у него дома и в Иркутске, и в Москве, бывал на его байкальской даче. Довелось не раз брать у него интервью для нашей газеты. Рад, что Валентин Григорьевич доверил мне право сделать инсценировку его знаменитой повести "Прощание с Матерью" для доринского МХАТа имени Горького. Спектакль по этой инсценировке шёл более десяти лет с неизменным успехом. Бывал на этом спектакле и сам Распутин. Всегда поражали его скромность и такое чисто христианское смире-

ние, при том что от позиций своих он никогда не отказывался, не боясь навлечь на себя гнев правителей. Он равно говорил и с земными "царями", и с коллегами-писателями, и со своими земляками. Потому и на самом деле его повести были истинно народной прозой. Не было в нём никогда и гордыни, мол, знаменитый писатель, гений земли русской. Он был просто — одним из крестьян, одним из сибиряков, одним из писателей. А если уж сумел показать тра-

гедию русской деревни, исчезновение старого народного уклада, характер русского человека, значит, и дано было ему от Бога — многое..."

Сохранились записки (правда, короткие) выдающегося актёра Михаила Ульянова о беседах с писателем. В ельцинские времена взгляды их на перемены в отечестве оказались различными. Но в 1987 году, когда Ульянов набрасывал свои строки, душевное дружество ещё сохранялось. Каких-то монологов сибиряка автор записок не приводит, в основном высказывает своё сердечное отношение к писателю. Судите сами:

"Как-то мне пришлось плавать с Валентином Григорьевичем Распутиным по Байкалу. Маленький катер, где каждый сантиметр чем-нибудь занят; гостеприимные хозяева, два матроса и капитан этой скрупки... И вот среди этого тесного и дружного единения, может быть, самый байкальский, что ли, самый местный, самый скромный и терпеливый был Распутин. Какая-то редкая по нашему крикливому, настырному веку скромность и сосредоточенная внимательность ко всему окружающему."

Есть люди, которые воспринимают мир только как часть их самих, при том малую часть по сравнению с их персоной. А есть люди, которые воспринимают себя как малую часть мира. И смотрят на окружающее такие люди удивлённо, влюблённо и все-

гда как на нечто новое, ибо понимают, что ты сам мало меняешься, а мир бесконечен.

Вот к таким людям, как мне кажется, относится Распутин. Надо не только хорошо знать мир "Матери", надо ещё уметь увидеть и услышать его, как это сумел Валентин Григорьевич. А для этого, вероятно, нужен особый дар писателя — дар не

только видеть и слышать, но и подробно и явственно, ошутимо рассказать обо всём этом...

"...Распутин — писатель и человек с абсолютно ясной и, я бы сказал, непоколебимой жизненной и писательской позицией. Да она яснее ясного видна и в его книгах, и в его публицистике. Это всем видно. А вот то, что она проявляется в обычных мимолётных разговорах и встречах, — это надо слышать. Удивительная скромность и даже какая-то замкнутость чувствуется в его разговорах. Распутин не стол-кнёшь его понимания мира, но он и не навязывает своё восприятие жизни, сознавая, должно быть, что его точка зрения, даже если она и выстрадана и серьёзна, ещё не единственная."

Дратся за своё понимание мира он готов, но кричать об этом на всех перекрёстках и каждому встречному он не будет, не считая это нужным и достойным. А сколько я встречал сорок, кричащих о своей позиции и настырно вдалбливающих её во все рядом находящиеся головы. Притом в их крике не чувствуется уверенности в своей правоте. И чем меньше уверенности, тем больше крика. Утомительно и шумно рядом с такими крикунами. С Распутиным же как-то спокойно и определённо. Веришь каждому его слову, хотя он на них и скуп. И веришь: всё, что он защищает, что любит и что ненавидит, — это его суть, а не модная одежда. Он из глубины, а не с поверхности. Он и пришёл в литературу, чтобы рассказать о глубинах. Это он и делает так талантливо, так несуетливо, так неопровержимо, так основательно, так честно и так по-распутински".

Владимир Солоухина критика всегда относил к той же когорте писателей, что и Распутину. Казалось бы, эта общность взглядов на судьбу Родины, на долг художника исключала высокую и свежую оценку своего младшего коллеги. Но нет, и на Владимир Алексеевича сибиряк производил сильное впечатление. "Таких писателей, как Валентин Распутин, таких своих сыновей народ и рождает для того, чтобы не забыть своего прошлого, трезво оценить настоящее и не потерять надежды на будущее".

(Полная версия — на сайте)

(начало на стр.1)

Одновременно это и своего рода роман-путешествие. Каждая глава названа по имени насе-

"На Севере - русская душа..."

лённого пункта, в котором происходит действие. Роман, собственно говоря, и рождался из серии отдельных рассказов, постепенно обретая внутреннюю логику, гармонию и завершенность. Это первый роман, который я написал, и его создание было тяжким трудом..."

Мы давно уже не знаем свою историю, своих героев, и потому роман Дмитрия Новикова крайне не нужен, он уже сразу же после своего выхода в издательстве стал вехой в познании Севера, подобно прежним романам великих северных прозаиков Дмитрия Гусарова и Дмитрия Балашова. Дмитрий Новиков упрекает своих соотечественников в отсутствии гордости за свою историю, за свою русскость: "А между тем, именно этой своей уникальностью, своей необычной историей, своей непохожестью мы и интересны окружающему миру, да и самим себе..."

Вот и в романе наряду с героизацией былых поморов писатель осуждает современную ему действительность. "Я шёл по своей земле и не узнавал её. Везде были русские люди, но чем

дальше от Севера — тем непонятнее они мне становились... Чем дальше уходил я от Севера, тем больше видел, что не знают, не понимают этого люди. Брат на брата волком рычит, разорвать го-

товый. Все со всеми не согласны. Простые люди подобрае, начальники — злые как черти... Никан мог я понять свой народ. Тяжело и зло жилось ему, моря не звавшему. Вертелось всё в бесмысленной круговерти, раз за разом открывая круг злых неведений..."

Действие романа то опускается в шестнадцатый век, то возвращается в наши дни, а между ними — и война с немцами, и революция, и 1935 год, и депрессии. Жизнь главного героя Григория разбросана по разным главам, если соединить их воедино, получится крепкая небольшая повесть о жизни помора. Но исчезнет ощущение Севера, его приметы...

Нет в романе, несмотря на горькие трагические сцены, никакого пессимизма. Ушёл старый Север, будем строить по-новому, соединим прошлое и с настоящим, и с будущим. "Голомяное пламя", пламя жизни и света, идущего от северных морей и озёр, никогда не умирает. Это пламя переходит от воды к небу, из нашего времени в шестнадцатый век, это пламя соединяет Григо-

рия с Варлаамом Керетским, это спасительная радуга на северном небе.

Григорий, вспоминая жизнь своего деда-помора, решает проехать по сказочным северным местам, он находит там, на Севере, основу для нового возрождения, единения с природой, с рыбами, с загадочной серебристой сёмгой, которая ждёт своего возвращения в родные реки.

Писатель признаётся в интервью: "Почему я взялся за северный роман? Просто мне стало обидно, что о русском Поморье мало знаем. А ведь здесь за пять веков не было ни одного уголовного преступления!... Люди боролись с природой, выжидали и жили. А потом эта цивилизация куда-то исчезла. Мне стало интересно, куда она делась, почему, что её сломало. Я задумался над этим. В итоге родился роман. Мне очень приятно, что друзья из Петрозаводска и Вологодска меня поддерживали, и новая северная проза оказалась не искусственно придуманным феноменом, а действительно духовным движением..."

Да и сам петрозаводский писатель основательно выстраивает свою жизнь. Построил крепкий дом на берегу озера, где и живёт нынче. "Сейчас очень важно строить..." — пишет он. Вот и строит — крепкий роман, крепкий дом, крепкую семью, русскую идею.

Он и становится важным символом русского северного возрождения!

Владимир БОНДАРЕНКО

(начало на стр.1)

И русский народ первым пошёл на решительное преодоление этого гнусного — и антихристианского именно — миропорядка. Он открыл дорогу, дал надежду на иное, лучшее будущее и доказал всем осуществимость этих чаяний, собою пробивая, прокладывая для всех путь, на горчайших порою ошибках учился, строил, создавал совершенно новую социально-политическую реальность, формацию, общность — русский социализм с его вызревшими к шестидесяти годам высокими нравственными установками человеческого общечеловеческого, каких не было до сих пор и быть не могло ни в одном социуме, ни в одном самом что ни есть христианском государстве, и старшее поколение помнит ещё "Кодекс строителей коммунизма". И в короткий исторический срок, несмотря на тяжелейшую войну, построил основы социализма, свою социалистическую систему и предопределил все главные события в мире, совсем не зря XX век называют "Русским веком"...

Когда же речь заходит о "цене" революционных репрессий и Гражданской войны, многие почему-то забывают о том, что жертвы "русского социализма" не составляли и сотой, может, доли тех поистине чудовищных гекатомб и преступлений, включая две мировые и сотни других войн, какие совершил в мире и в России и продолжает творить на наших глазах капитализм, та самая злостная парадигма без каких-либо моральных запретов вообще. Это, разумеется, не оправдание революционного (ответного, подчеркну) насилия, а говорит лишь об огромных трудностях и сложности первопреходческого дела, пути — с невесёлой констатацией того, что человечество не умеет, не научилось ещё (и научится ли когда?) по-другому вершить свои коренные преобразования, если даже и в сравнительно малых людях потоки крови...

Русский социализм выявил и востребовал невиданные доселе запасы народной энергии, разума и воли, пробудил и вызвал к творческой жизни десятки и десятки миллионов из "простого народа", из самых низов подняв их к высотам культуры, искусства, науки и техники, прогресса вообще, из земледельческой со-

здав индустриальную и самую образованную и читающую страну в мире. Это был, по сути, "пассионарный взрыв" русского и других народов страны, предсказанный Чаадаевым, Тютчевым и многими другими мыслителями, уве-

Территория — на вырост

ренными в нравственной его силе, и направлен он был на создание, претворение в действительность лучших общечеловеческих чаяний, на достижение и обретение социально-экономических, культурных и духовных ценностей, благ — в том их понимании, конечно, какое диктовалось условиями времени. А что мы можем вспомнить о последней четверти века, кроме мерзостей "первоначального накопления капитала"? Пожалуй, лишь второе (после сталинского) возрождение нашей Православной Церкви, но это тема отдельная.

И русский народ стал первым — и единственным — выразителем, защитником и помощником всех "униженных и оскорблённых" в мире (разрушение колониальной системы тоже является прямой заслугой СССР), и нельзя иначе расценить эту его миссию человечности на планете, где царит "закон джунглей", как близкую к христианской... Если же всё это не удалось осуществить вполне и бесповоротно с первого раза, то такое положение вовсе не означает ублюющего "конца истории" Фукуямы... ишь чего захотели!

— Разделяете ли вы идеологему "Москва — Третий Рим, и четвертому не бывать!" и известное изречение блаженной памяти еладыки Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского: "Россия без Христа — Богу не нужна!"?

— Разделяю, конечно, и я об этом уже сказал. И сама Россия более чем убедительно доказала всем, кто хочет слышать и понимать, что она носит Христа "не в брёвнах, а в рёбрах", несмотря даже на внешнюю атеистическую идеологию в советский период единой своей истории. Пришло теперь и "время брёвен" — и, мне всё-таки думается, оно не сразу, но рано или поздно пришло бы само собой и в

наш социалистический социум, продлись он дольше в развитии, дальше... К тому, как говорится, всё шло. Да вот не дошло, иуды из Политбюро опередили.

Ну, а в том, что "четвёртому не бывать", у

меня, грешного, сомнений современная ситуация с христороцентричными исповеданиями не вызывает. В "первом мире" царит апостасия, прикрытая теплотой в лучшем случае,

разгуд дрянной мистики и оккультизма, масонщины и откровенного сатанизма. Правда, в "третьем мире", в Латинской Америке особенно, есть молодой, с горячий искренней уверенностью социум, который мог бы в чём-то "обновить веру" возвращением к первоапостольскому учению. Но для этого надо отложиться от католической ереси, от интенсивно тёмной папской курии в Риме — да, тут нужна своего рода "христианская революция". И воссоединиться с "Третьим Римом"... Но это уже

мечты, непозволительные в нашем жестоком мире.

— Как вы думаете — где мы, Россия и русские, сейчас оказались? В каком участке исторического пути?

— В очередной русской Смуте после контрреволюционного переворота, растянувшегося на 1985-1991 годы, и потери нами неисчислимы... Что ж, контрреволюция — это нередкая в истории сплунция попыток вырваться из обветшалых, самим временем приговорённых к отмиранию форм социально-политических изжитков. Она может надолго остановить движе-

насквозь коррумпированной бюрократии, не хочет и не может идти ни на какие серьёзные перемены, превратив этот олигархический "конструкт" в своего рода Антисистему с прописной, в какой могут процветать только хищники и паразиты, русофобскую по всей своей гнусной природе. Дело-то, однако, в том, что антисистема, где-либо возникнув, не может не подрывать свои же шаткие "основы", пожирает самое себя, и перспективы подвластных ей крайне незавидны.

Но русский народ ещё не сказал своего последнего слова, да и не будет оно "последним" у него, обладающего уникальными историческим опытом, нравственными разумом и волей в лучших своих представителях, способностью к сверхмобилизации в случае суровой необходимости. Он злостно, намеренно обманут и дезориентирован, но морок этот, слава Богу, падает — хотя не так скоро, как нам хотелось бы...

— Ну и, пожалуй, главный вопрос: камо грядёт, русский народ? Куда мы идём? И куда — должны идти?

— К трезвому осознанию и осмыслению самих себя, своих интересов и целей в мире и в стране отцов и матерей наших. К объективной оценке своей единой, без диверсионных изъятий и вбросов, истории во всей полноте её и неизбежных противоречиях, которые разрешимы лишь нашей доброй волей и заботой о будущем. К пониманию крайней губительности нынешней Антисистемы, которую нам смонтировали с помощью западных "доброжелателей", превратив страну в нарочито бесхозную территорию, где орудуют всякоразные "воры в законе РФ" и транснациональные корпорации... И вот как раз осмысление всего этого и является самым трудным делом, находясь под массивированным применением СМРАДа (по А.Фурсову) — средств массовой рекламы, агитации и дезинформации, какою пытаются всячески заблокировать русскую мысль, подавить русское сопротивление олигархическому компраторскому беспределу. Обрести национальную, государственную независимость — вот наша первая и главнейшая задача, и пока что мы находимся на опаснейшем распутии.

Пётр КРАСНОВ